

Около пяти с половиной утра лекарство в капельнице закончилось, и я нажал на кнопку вызова медсестры.

Пришла старшая медсестра, женщина лет тридцати с небольшим. Она улыбнулась мне и спросила:

— Как самочувствие?

Я точно где-то её видел, имя вертелось на самом кончике языка, но никак не желало срываться с губ.

Она помогла мне вытащить иглу и произнесла:

— Ты так вырос.

Горло уже не так сильно першило, и я ответил:

— Кажется, я вспомнил, кто вы.

Она звонко рассмеялась:

— Я тоже не ожидала встретить тебя здесь.

До того, как я встретил свою жену, она была моей богиней. Настоящей детской богиней, ха-ха.

Её дом стоял прямо по соседству с нашим, и до средней школы я частенько бегал к ним нагрянуть на всё готовое — и поесть, и попить.

Сколько себя помню, мои родители вечно пропадали по два-три месяца. Изредка возвращаясь переодеться, они тут же сталкивались друг с другом и начинали скандалить, а в разгар ссоры принимались крушить всё подряд. Натешившись, оба уходили, и всё повторялось: снова два-три месяца тишины.

Иногда они даже забывали оставить мне карманные деньги. Если бы не поддержка соседки-богини, стоило им вспомнить, что у них вообще-то есть сын, от меня бы уже за три квартала несло мертвячиной.

Тогда я был очень послушным ребенком — наивно полагал, что если стану вести себя чуточку лучше, они непременно вернутся домой. Поэтому, оставшись без гроша, я даже не просил у них денег.

Богиня была намного старше меня, когда я учился в начальной школе, она уже ходила в старшие классы. Невероятно мягкая и добрая, она всегда сидела у окна в гостиной и играла на пианино. Стоило мне появиться на пороге, как она бросала инструмент и садилась обедать со мной.

Она была точной копией своей мамы. Тётушка, насколько я помню, была домохозяйкой, домработниц они сроду не нанимали, двухэтажный особняк всегда сиял чистотой, а цветы в саду цвели просто великолепно.

Иногда, стоило мне заявиться к ним, хотя они уже пообедали, тётушка всё равно ухитрялась приготовить для меня что-нибудь отдельно. Порой это был суп с лапшой. В том возрасте дети, особенно мальчишки, вечно торопятся за едой и вечно обжигают губы. Тогда богиня брала ложечку за ложечкой и терпеливо остужала суп, дуя на него, а тётушка сидела рядом и улыбалась, глядя на нас обоих.

Я даже помню один случай, когда тётушка в шутку сказала богине:

— Раз уж тебе так нравится малыш, давай я рожу тебе еще одного братишку.

Богиня со смехом ответила:

— У меня же уже есть Юйтин.

Кажется, классе в третьем или четвёртом я даже ляпнул что-то вроде:

— Сестрёнка, вырастешь — выходи за меня замуж.

На что богиня усмехнулась:

— Сначала подрасти выше меня, а там поговорим.

Позже, когда я стал взрослым, тётушка частенько припоминала мне эти слова со смехом и спрашивала:

— А помнишь, как ты в детстве обещал жениться на старшей сестричке? Всё еще хочешь?

К тому времени я уже вплотную приблизился к пубертатному возрасту, а мальчишки в те годы ужасно вредные и заносчивые, поэтому я бурчал:

— Не хочу.

Ха-ха. А на самом деле тогда очень даже хотел.

До встречи с женой я был твердо уверен, что женюсь исключительно на такой женщине. С неизменной улыбкой на лице, с вечно теплыми ладонями, чуткой, заботливой, понимающей с полуслова — от каждого её движения веяло настоящим домашним уютом.

Но с влюбленностью ничего не поделаешь. Твой избранник может за версту отличаться от идеала, о котором ты мечтал, но странное дело — ты всё равно любишь его.

Как бы это описать... По правде говоря, мне до сих пор безумно хочется такой жизни, чтобы дома кто-то ждал, чтобы у порога спрашивали: холодно сегодня или тепло?

Но если это не Лю Цыци, то всё не то.

Я знаю: даже если я разлюбил его, в этой жизни мне вряд ли удастся полюбить кого-то еще.

Я промышлял бесплатными обедами у богини года три-четыре, пока в один прекрасный день моя взлохмаченная мамаша не примчалась туда, отвесив мне звонкую пощёчину и принявшись орать, что раз у меня кончились деньги, я мог бы и сам рот открыть попросить, а не позорить её здесь перед людьми.

Уже потом я сообразил, что в тот день она в пух и прах разругалась с отцом и просто сорвала на мне злость.

В средней школе семья богини внезапно куда-то переехала, а на двери их дома красовалась опечатанная печать. Люди говорили, что дядя прогорел на инвестициях, фирма рухнула, и за ними осталась огромная гора долгов.

Всё произошло так внезапно — с тех пор я больше никогда её не видел.

Стоило им съехать, как в мою жизнь бурно и агрессивно ворвался переходный возраст. Мама больше не смела меня бить, потому что я начал давать сдачи. И я больше никогда не занимался глупостями вроде ожидания родителей дома. Единственной ниточкой, связывавшей меня с ними, оставались случайные денежные поступления на банковскую карту — стоило средствам исчерпаться, я звонил их секретарю.

Моим самым грандиозным достижением стал шестнадцатый день рождения, когда я притащил компанию друзей в караоке и мы заказали больше десятка бутылок одного только Луи. За тот вечер улетело больше полумиллиона.

Как подумаю об этом сейчас — ну и дурацкая же у меня была пора, хоть насквозь светись.

Мне сменили флакон с лекарством, и капельница продолжила капать. Богиня посидела на краешке кровати, болтая со мной о том о сём.

Почему я всё время называю её богиней? Да потому что понятия не имел, как её зовут. В детстве не знал, помнил только, что фамилия у неё вроде бы Ху.

Она рассказала, что за последние несколько лет им удалось почти полностью рассчитаться с долгами. Сама она в прошлом году развелась и теперь одна растит ребенка. Сына, девять лет.

Я спросил, играет ли она еще на пианино.

Она усмехнулась: бросила давным-давно.

Мы немного поболтали, но в соседней палате кто-то нажал кнопку вызова, и ей пришлось бежать по делам.

Ближе к рассвету мне позвонил один приятель, обсудили кое-какие рабочие моменты. Заодно я обмолвился, что загремел в больницу и сегодня в офис не приеду.

Часам к восьми утра отец прислал мне сиделку. Меня аж передернуло: я же не парализованный бревно, чтобы не мочь пошевелиться! Эта тетка с порога попыталась приняться за дело — раздеть меня и обтереть тело, так что я её тут же выставил за дверь. Тетка еще возмущалась: мол, деньги уплачены, как же я работать не буду? На это я ответил, чтобы забирала деньги и шла с миром, для меня эта сумма — не деньги.

Мои слова так её позабавили, что она расхохоталась. Напоследок она ухитрилась почистить мне пару яблок и только потом ушла, пообещав вернуться в обед с едой и напутствием предупредить, если есть что-то такое, чего мне нельзя.

Я сказал:

— Креветки, морепродукты. Из-за них-то я здесь и валяюсь.

Едва сиделка ушла, как появился тот самый утренний звонарь. Едва переступив порог, он завопил:

— Ого! Братец, тебя что, серной кислотой окатили?

Я буркнул:

— Аллергия.

Он окинул взглядом палату и спросил:

— А чё без сопровождения? Где жена-то?

— Мы в ссоре, — ответил я. — У друга остановился.

— Ты что, ему не сказал, что в больницу загремел?

— Нет.

— С чего это вдруг?

— Тебе что, больше всех надо? — огрызнулся я. — Сам не можешь посидеть нормально? Не можешь — вали на хуй.

Он поглазел на меня пару секунд, но тишина не продержалась и трех секунд, как он выдал:

— Ты всё ещё чувствуешь себя перед ним виноватым, да?

Я промолчал.

— Ты сейчас искуплением грехов занимаешься или любовь крутишь?

— Не лезь не в своё дело, — бросил я.

Наконец-то проявив чуткость, он больше не поднимал эту тему.

Я устал. На сегодня хватит, писать больше не хочется.

<http://bllate.org/book/26321/3151673>